

Агрессивная геополитика и вопросы о теории пространства

Введение. Идея суверенного территориального порядка доминирует в представлениях о пространстве в международных отношениях через вездесущие дихотомии, такие как международный/внутренний, внутренний/внешний и гражданин/иностранец. Тем не менее, феномен вынужденного перемещения ставит под сомнение восприимчивость этих бинарных объектов, что оправдывает исследование возможности различных объяснений типа пространства, которое образует перемещение.

В представленной статье критически рассматривается концепция Фуко о «гетеротопическом пространстве» и предлагает ее новое определение. Цель представленной статьи состоит в том, чтобы показать обоснованность гетеротопического пространства как концепции.

С начала протестов в Сирии в 2011 году и последовавшего за ними конфликта в 2012 году Иордания стала местом пребывания более полумиллиона сирийских беженцев. Переселение сирийцев в Иорданию активировало механизм реагирования с участием международных организаций, который варьировался от фазы солидарного приема до враждебности. На всех этих этапах сирийцам разрешали беспрепятственно въезжать в Иорданию, затем их останавливали на границе; им запретили легально работать, а затем частично разрешили доступ к рынку труда; их лишили официальных документов, затем они зарегистрировались в местных органах власти, получив новые документы. Однако большей части беженцев часто приходится жить без документов, рискуя быть арестованными, затем многие из них были перерегистрированы. Некоторые из них живут в лагерях беженцев, такие как Аль-Азрак, иногда их насильственно репатрируют, в большинстве случаев они снимают частное жилье в городских районах. Их возможность получить легальный статус постоянно переходила из одного положения в другое, тысячи детей были рождены от семей перемещенных лиц, но их рождение не могло быть зарегистрировано, и они столкнулись с существенным риском остаться апатридами¹, т.е. без гражданства. Беженцы получили помощь в виде наличных денег и услуг, а затем принимающие общины стали получателями помощи. Сирийцы в Иордании получили формальный правовой статус с доступом к основным правам и услугам, не смотря на то, что Иордания не является участником Конвенции о беженцах 1951 года.

Сирийские беженцы² лишены суверенного территориального пространства, международный порядок который доминирует в современных международных отношениях не способствует их решению, это равнозначно фундаментальному нарушению этого порядка, поскольку оно нарушает его предположения о территориальности, оседлости человека, сдерживающей роли границ и приписывание народов национальным идентичностям и территориям, которые обычно были бы основой их прав как граждан. Дихотомии, на которые

¹ Апатрид или лицо без гражданства — физическое лицо, не имеющее какого-либо гражданства или подданства и не обладающее доказательствами, которые могли бы установить принадлежность его к какому-либо гражданству или подданству. По данным на 2017 год, 12 миллионов человек в мире не имели никакого гражданства.

² Здесь же отметим, что грузинские беженцы с оккупированных Россией территории Грузии вот уже более 30-ти лет живут в ужасающих социальных условиях, но в отличие от сирийских у грузинских нет проблем с официальными документами, удостоверяющее их гражданство так как большая их часть перемещена в другие области Грузии.

опирается этот порядок. Следует отметить, что едва ли можно представить положение перемещенных лиц, учитывая, что их существование в лучшем случае является демонстрацией их ограниченности во всех сферах.

В представленной статье ставим вопрос может ли международные отношения, как академическая дисциплина в период фундаментального разрыва в международной системе решит вопросы мироустройства или современная система государств с своими геополитическими интересами уступит в некоторых случаях постмодернистским формам конфигурирования политического пространства? Дабы решить номинальные вопросы гуманности, здоровья или жизни, а по правам человека как таковой, широко афишированной теми государствами, которые сами их нарушают надежды не возлагаем. К сожалению в академической науке даже нет адекватного словарного запаса для выражения данных вопросов и проблем.

Ключевые слова. *Сирия, Иордания, Украина, беженцы, территория, пространство, геополитика, международные отношения.*

Альтернативные государственной и территориальной концепции пространства в международных отношениях существуют, но они почти не изменили фундаментальный способ мышления о пространстве. Например, теории империализма рассматривают империю как детерриториализованную сущность без центра³ а регионализм⁴ смещает акцент с государства на конгломераты государств. Тем не менее, в первом случае анализ по-прежнему связан с динамикой модальностей власти, тогда как регионализм принципиально не ставит под сомнение государственно-территориальную природу пространства. Даже после критики Джоном Агнью «территориальной ловушки»⁵ в мейнстримных дебатах по международным отношениям по-прежнему преобладали государственно-территориальные и территориалистские подходы к пространству⁶, но появились две тенденции: историзация пространства и более глубокий вопрос о границах.

Интересные исследования Элдена,⁷ Бранча⁸ и Шарля Майера⁹ посвященные историзации пространственных форм власти и территориализации. С. Элден в своей работе предлагает генеалогическую реконструкцию территориализации власти, а с точки зрения французского философа и историка Фуко, «Территория сама по себе является процессом, создаваемым и переделываемым, формируемым и формирующимся, активным и реактивным».¹⁰ Исторический анализ картографии, проведенный Бранчем показывает, что территориализация современного государства представляет собой процессуальное долгосрочное развитие,

³ Tarak Barkawi and Mark Laffey *View . Retrieving the Imperial: Empire and International Relations.* Steinmetz, 2022

⁴ Barry Buzan and Ole Wæver. *Regions and Powers: The Structure of International Security.* Cambridge University Press, 2004

⁵ Jonathan Agnew. 1994. The territorial trap: The geographical assumptions of international relations theory. *Review of International Political Economy* 1 (1):53–80. doi:10.1080/09692299408434268., [Google Scholar]

⁶ Там же.

⁷ Elden, S. 2013. *The birth of territory.* Chicago and London: University of Chicago Press. , [Google Scholar]

⁸ Branch, J. 2013. *The cartographic state : maps, territory and the origins of sovereignty.* New York: Cambridge University Press. , [Google Scholar]

⁹ Meier, D. 2018. Introduction to the special issue: Bordering the Middle East. *Geopolitics* 23 (3):495–504. doi:10.1080/14650045.2018.1497375. [Taylor & Francis Online], [Web of Science ®], [Google Scholar]

¹⁰ Foucault, M., and J. Miskowiec. 1986. Of other spaces. *Diacritics* 16 (1):22–27. doi:10.2307/464648. [Google Scholar]

которое, хотя и происходит от пространственно рассеянных и перекрывающихся форм власти, только в наше время трансформировалось в территориальный суверенитет. Майер утверждает, что территория является не отрывом от истории, а ее частью, границы представляют собой фактор, делающий территорию «областью, в которой географическое пространство упорядочено определенными правилами или свойствами, которые ему приписываются»¹¹.

Идея о том, что территория является одной из многих возможных пространственных форм, которые может принимать власть, совпадает с вопросами об исследованиях границ и перекликается с более широким положением о том, что были разработаны в критической геополитике¹².

Многие из этих идей исходят из наблюдения, что, согласно теориям глобализации, границы расширяются за пределы их традиционного расположения на краю территории, что делает их не просто линейными, в сущности обозначающие территорию, но форму пространства как такового. Следовательно, рост топономастики пограничного пространства, такой как пограничные области, пограничные ландшафты, пограничные зоны или границы каждая из которых имеет свои нюансы, по смыслу и функции. Но если границы - это пространство, а не просто что-то среднее между одним местом и другим, это означает, что их можно рассматривать как практики, процессы или проявления политического действия. Границы в этом смысле могут проявляться территориально или не территориально посредством таких практик, как офшоринг границ, реализация принципов экстерриториальности или принятие политики удаленного пограничного контроля, а также посредством традиционных форм пограничного контроля, таких как полиция или таможня, или же требования к визам и документам.

Это приводит к следующим итогам. Во-первых, представление о пространстве в международных отношениях принимает суверенный территориальный порядок как свершившийся факт, тем самым материализуя объемные бинарные системы, помещая людей либо внутри, либо за пределами (международного) пространства, и охватывая их к таким категориям, как граждане или иностранцы (или беженцы), мигранты, иностранцы и т. д., или пути представления границ государств открытыми или закрытыми. Это не критическое принятие территориалистского государства не дает адекватного рассмотрения дела о том, что объемные формы государства являются частью истории. Это имеет важные последствия для изучения мобильности и, в нашем случае, перемещения, поскольку господство «территориальной эпистемологии»,¹³ охват пространства, который делает мобильность конфликтной для суверенного территориального порядка. Именно это, в свою очередь, вызывает зависимость суверенитета и территориальности с помощью жесткого контроля пограничных территорий.¹⁴

Второе соображение происходит в том, что на этом основаны такие идеи, как пограничные зоны, пограничные ландшафты, которые охватывают обширные лиминальные пространства, порожденные пограничными практиками, наиболее поглощая пространство. концептуальный анализ, вызванный господствующими территориалистскими эпистемологиями. Тем не менее, хотя заслуга в том, что концепций в проблематизации границ и территориальности неоспорима, идеи имеют ограничения в реализации такой природы перемещения как пространства. Они склонны концептуализировать перемещение

¹¹ Указ. Работы.

¹² Moisis, S., and A. Paasi. 2013. Beyond state-centricity: Geopolitics of changing state spaces. *Geopolitics* 18 (2):255–66.

¹³ Albert, M., D. Jacobson, and Y. Lapid. 2001. *Identities, borders, orders : Rethinking international relations theory*. Minneapolis, Minn.; London: University of Minnesota Press. [[Google Scholar](#)]

¹⁴ Там же

пространства как лиминальное, потому что интерпретируют как формы перехода от одной территории к другой. Это обуславливает выявление положения периферийного населения среди собственного населения определенной страны и, следовательно, не воспринимает их как своих граждан.

Во-вторых, и в этой связи с границей, как центральный объект исследований, выявляется преимущество в порождении критического мышления, но имеет место недооценивание роли людей в конституции пространства. Государственное образование создает пространство, которое можно интерпретировать не как остаточную трещину в суверенном территориальном порядке (т. е. как лиминальность, пограничную область применения и т. д.), формировать как автономную область. Таким образом при появлении на определенном пространстве граждан другой страны может быть временным явлением, или же им в случае доброй воли возможно предоставление определенной автономии, но и этот вопрос будет создавать определенные трудности принимающей страны, так как внутри государства образуется локальное чужеродное пространство, исходя из этого государства избегают создания такого рода автономии так как оно чревато опасностью и угрожает территориальной целостности государству.

Теория Фуко - Гетеротопное пространство

Слово «гетеротопный» происходит от сочетания древнегреческих слов «гетерос» и «топос» (в вольном переводе, соответственно, «другой» и «пространство») и используется по крайней мере с конца девятнадцатого века в медицине для описания происходящих явлений. Этот термин начал циркулировать в социальном и политическом мышлении благодаря работам Мишеля Фуко, который использовал его по крайней мере с 1966 года. Фуко противопоставляет гетеротопии утопиям и определяет их как: Реальные места — места, которые действительно существуют и формируются при самом основании общества, которые являются чем-то вроде контрсайтов, своего рода эффективно разыгранной утопией, в которой реальные места, которые можно найти в культуре, одновременно представлены, оспариваются и инвертируются.¹⁵

Семь принципов определяют гетеротопию, Фуко начинает с того, что называет гетеротопию местами кризиса или отклонения; под этим он понимает пространства, в которых человек переживает переход, например, от детства к отрочеству, от отрочества к взрослой жизни или от безбрачия к супружеской жизни. Гетеротопия отклонения, напротив, представляет собой пространство, подобное тюрьме или психиатрическому учреждению, куда человека отправляют за отклонение от канонов предполагаемой нормальности. Список продолжается и включает другие элементы, идентифицирующие гетеротопическое пространство как изменчивое по смыслу и функции. Гетеротопическое пространство, кроме того, содержит одновременно разные места и времена, и примерами являются театры или музеи, где разные места и времена сходятся в одно. Наконец, гетеротопии предполагают регулирование доступа и функционируют как компенсация неудач утопий.¹⁶

Дэвид Харви считает гетеротопию запутанной идеей, относящейся к остаточной пространственной категории, которой можно приписать любую форму пространства.¹⁷ Ни

¹⁵ Foucault, M., and J. Miskowicz. 1986. Of other spaces. *Diacritics* 16 (1):22–27. doi:10.2307/464648. [Web of Science ®], [Google Scholar]

¹⁶ Там же.

¹⁷ Harvey, D. 2000. Cosmopolitanism and the banality of geographical evils. *Public Culture* 12 (2):529–64. doi:10.1215/08992363-12-2-529. [Crossref], [Web of Science ®], [Google Scholar];

один из его определяющих элементов не оправдывает отличия от обычных пространств, что делает его «банальностью». Он продолжает, указывая на то, что эта концепция основана на кантианских предположениях о пространстве как абсолютном и «недиалектическом» и, следовательно, несовместима с относительной идеей пространства.

Арун Салдана делает то же самое и утверждает, что Фуко понимал гетеротопию исходя из структуралистских предположений. По его словам, гетеротопия неправдоподобна потому, что «Фуко, похоже, верит, что имеет доступ к скрытым структурам общества, которые обозначают одни пространства как абсолютно другие».¹⁸

Несмотря на это, гетеротопия как аналитическая категория продолжает распространяться, особенно для интерпретации связи между пространством и движением людей. В одной из наиболее аналитических операционализаций Марк Солтер анализирует аэропорт как гетеротопическое пространство, соединяющее национальное и международное, тем самым одновременно сопоставляя несколько пространств в одном пространстве. Таким образом, аэропорт является «обрядом перехода» от национального к международному или наоборот, когда суверенитет реализует свою способность исключать или включать людей на свою территорию, таким образом удерживая лиц, потенциально отклоняющихся от правил суверенного территориального порядка.¹⁹

Гетеротопическое пространство получило широкое распространение и в исследованиях о вынужденных переселенцах, где оно представляет пространства, возникающие в результате взаимодействия между мигрантами и институтами принимающего государства, регулирующими их жизнь и мобильность. В этих случаях преобладает понятие кризисной и девиационной гетеротопии. Как отмечает Питер Джонсон: «Современные гетеротопические сайты больше связаны с выделением какой-либо формы отклонения, а не с обозначением этапа в жизни»²⁰.

В этой связи следует отметить, что геополитика вокруг Украины и миллионы беженцев в разные страны мира требует особенного исследования согласно теориям пространства. Геополитические интересы Держав являются причиной всех бед народов, и исходя из сложившегося положения народы вынуждены оставлять свои пространства и перемещаться в другие.

Мишель Агье ссылается на гетеротопию в книге «Управление нежелательными», когда он говорит, что беженцы «заключены в тюрьму снаружи», а лагеря — это «неуместные места», воплощающие экстерриториальную и вненациональную фикцию, к которой относятся беженцы.²¹ По его словам, перемещенное население мира обитает в «ансамбле маргиналов и ненадежных пространств», которые он называет «гетеротопиями».²² Через призму гетеротопии

Harvey, D. 2000b. Spaces of hope. California studies in critical human geography . Berkeley: University of California Press. [Google Scholar]; Harvey, D. 2007. The kantian roots of foucault's dilemma. In Space, knowledge and power : Foucault and geography, ed. J. W. Crampton and S. Elden, . Aldershot, England: Ashgate. [Google Scholar]

¹⁸ Saldanha, A. 2008. Heterotopia and Structuralism. Environment and Planning A: Economy and Space 40 (9):2080–96. doi:10.1068/a393336., [Web of Science ®], [Google Scholar]

¹⁹ Salter, M. B. 2007. Governmentalities of an Airport: Heterotopia and Confession. International Political Sociology 1 (1):49–66. doi:10.1111/j.1749-5687.2007.00004.x. [Crossref], [Web of Science ®], [Google Scholar]

²⁰ Johnson, P. 2006. Unravelling Foucault's 'different spaces'. *History of the Human Sciences* 19 (4):75–90. doi:10.1177/0952695106069669. [Crossref], [Web of Science ®], [Google Scholar]

²¹ Agier, M. 2010. Managing the undesirables : Refugee camps and humanitarian government. [Google Scholar]

²² Там же.

Ольга Лафазани интерпретирует стоянку мигрантов в порту²³ тогда как Пульезе прибегает к гетеротопии в своем анализе Лампедузы (Италия) и острова Рождества (Австралия) как пространств, одновременно воплощающих противоречие туристических направлений и центров задержания мигрантов²⁴. Для Боедельтье Европейский Союз способствует утопическому распространению европейских ценностей, но на самом деле создание лагерей беженцев равносильно «воплощению невозможности единого европейского пространства», становясь, таким образом, своего рода «гетеротопией отклонения»²⁵.

Несмотря на свой трудно определяемый характер, гетеротопическое пространство привлекает аналитический подход к пространству и смещению, потому что оно заполняет концептуальный пробел, репрезентируя пространство таким образом, который ставит под сомнение территориалистскую эпистемологию и объясняет пространственное условие смещения, выходящее за рамки обычных бинарных понятий, определяющих суверенную реальность. территориальный порядок. Смещение как гетеротопическое пространство разъединяет дихотомии внутреннего и внешнего, гражданина и иностранца или национального и интернационального, чего до сих пор не удавалось сделать ни одной другой концептуализации, и делает четкими пространства, которые в противном случае объяснялись бы лишь приблизительно с помощью территориалистских подходов.

В интересах большей доступности и ясности его значения можно предложить рабочее определение гетеротопического пространства, более «экономное», чем у Фуко, с учетом его критики и осведомленности о его нынешнем использовании. Пространство является гетеротопическим, когда составляющие его взаимодействия отклоняются от доминирующего пространственного порядка и, следовательно, ставят под сомнение его основные определяющие элементы. Что касается случая суверенного территориального порядка, то гетеротопическое пространство материализуется, когда взаимодействия образуют место, показывающее, что территориальность находится в кризисе, а ее определяющие элементы, такие как дихотомия внутреннего и внешнего, национального и международного, гражданина и иностранца, размываются или размываются, имеет расплывчатое значение. Гетеротопическое пространство возникает тогда, когда господствующий порядок пространства находится в кризисе или, во всяком случае, в фазе неопределенности в этом смысле является «иным пространством», поскольку оно составляет альтернативный пространственный порядок тому, который существует или вот-вот закончится. . Это не обязательно означает, что оно связано только со смещением (как мы видели выше, гетеротопия используется во многих других контекстах), но в случае данного анализа мы берем перемещение в качестве объекта нашего исследования.

В следующем примере анализируются взаимодействия между действующими лицами, вовлеченными в кризис большого перемещения, чтобы проиллюстрировать «концептуальную обоснованность» гетеротопического пространства в представлении типа пространства,

²³ Lafazani, O. 2013. A border within a border: The migrants' squatter settlement in Patras as a heterotopia. *Journal of Borderlands Studies* 28 (1):1–13. doi:10.1080/08865655.2012.751731. [Online], [Google Scholar]

²⁴ Pugliese, J. 2009. Crisis heterotopias and border zones of the dead. *Continuum* 23 (5):663–79. doi:10.1080/10304310903183627. [Web of Science ®], [Google Scholar]

²⁵ Boedeltje, F. 2012. The other spaces of Europe: Seeing European geopolitics through the disturbing eye of Foucault's heterotopias. *Geopolitics* 17 (1):1–24. doi:10.1080/14650045.2010.504762. [Web of Science ®], [Google Scholar]

которое образовалось в результате этих событий. Иордания является «решающим случаем» поскольку история страны прибытия сотен тысяч беженцев по крайней мере с 1948 года делает ее идеальным контекстом для развертывания этой концепции. Реконструировав историю, можно проследит как беженцы, принимающее государство, общество, международные организации и третьи страны переплели отношения, составляющие другое пространство, которое отражает рабочее определение, упомянутое выше. На каждой фазе и в заключении противопоставим пространство, которое населяют сирийские беженцы, идее гетеротопного пространства, чтобы показать, в какой степени его можно считать гетеротопическим пространством. Это индуктивная методология случая, которая не направлена на обоснование больших обобщений, но иллюстрирует, почему принятие гетеротопического пространства в качестве аналитической концепции объясняет перемещение как пространство, тогда как бинарные идеи территории не могут убедительно представить положение. Несмотря на некоторое сходство с более формализованными методологиями отслеживания процессов, мы ожидаем выявления механизмов причинности с помощью этого анализа, «интерпретировать» набор реляционных практик как составляющих гетеротопическое пространство.

Marina Izoria

Aggressive geopolitics and questions about the theory of space

Summary

In the 21st century, no nation is immune from the problem of forced displacement, and many countries and communities are showing extraordinary generosity and compassion towards those who are forced to flee. However, the distribution of refugees around the world is still significantly skewed towards less affluent regions. Nearly 90% of UN-mandated refugees live in low- and middle-income countries, often very close to situations of conflict. Countries that are among the least developed host a quarter of all refugees in the world. The international refugee protection system developed after World War II was designed to respond to the potentially destabilizing effects of population displacement. International solidarity and responsibility-sharing are essential but often elusive elements of this system, vital to protecting the rights of refugees wherever they are, as well as providing support to host countries. At a time when solidarity and responsibility-sharing are needed more than ever, states are concerned about the security concerns of international terrorism and are once again focusing on border controls. Hostility towards foreigners is on the rise in many countries, and physical and legal barriers designed to prevent irregular migration affect many people who are trying to find security. As the authors of this Handbook attempt to explain, border management and refugee protection are not mutually exclusive. States can and should put in place robust mechanisms to identify individuals in need of protection, just as they can and should identify individuals who may pose a security threat. On the other hand, it should be noted that the states themselves are the cause of conflicts, since aggressive geopolitics leads to wars, changes in borders, and sometimes the creation of new states and, accordingly, people are forced to leave their homes. In the study of international relations, the question of interleaving, refugees and their new space has arisen, which causes new conflicts in the new space. In the theory of territories and space, there are several views on these issues, the coverage of these issues is the task of the presented article.